

Э.Б. Кощеев

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ МЕЖДУ НАУКОЙ И ОБЩЕСТВОМ

Рассматриваются аргументы «за» и «против» использования «рациональности» в современном социологическом дискурсе. В центре внимания – неочевидность рациональности как ценности культуры и общества. Признание за рациональностью высокого статуса в ряду других ценностей делает исследование рационального познания и действия не только обоснованным, но и необходимым.

Ключевые слова: *рациональность, ценность, классическая социология, современное общество, культура, дискурс.*

Всякое употребление научного понятия рациональности и тем более исследование рациональности как нормы социального познания и действия требует сегодня обоснования ее (рациональности) значимости для современной культуры и общества. Доказав, что рациональность сохраняет статус важнейшей культурной ценности, мы зложим фундамент для такой теоретической процедуры в социологии, как «отнесение к ценности», а в данном случае отнесение к ценности рациональности. И, таким образом, откроем путь для дальнейших социологических изысканий в области рационального знания и поведения.

Вслед за Максом Вебером мы толкуем метод «отнесения к ценности» как преследование специфического научного «интереса», который господствует при отборе и формировании объекта эмпирического исследования. Этот метод в сочетании с историческим опытом показывает, что даже чисто эмпирическому научному исследованию направления указывают ценностные интересы, которые могут развернуться во всей своей казуистике только посредством дискуссий о ценностях [1, с. 431]. Именно такую дискуссию о ценности рациональности для современной эпохи, во всем ее историческом, культурном и социально-экономическом своеобразии, мы и собираемся развернуть.

Проблемы разума и рациональности волновали мыслителей (всех не перечислить!) на протяжении многих веков. Одни выступали в роли защитников разума, другие – в роли обвинителей и судей. Можем ли мы сегодня с уверенностью ответить на вопросы о границах, возможностях и даже опасностях рационального мышления и действия человека?

© Кощеев Э.Б., 2014

Кощеев Эдуард Борисович – ст. преподаватель кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: manikul@list.ru.

Прежде чем утверждать, что рациональность сохранила и возможно повысила свой статус в качестве важнейшей ценности эпохи модерна и соответственно области отнесения для социологов, хотелось бы обозначить позицию критиков и скептиков в дискуссии о рациональности.

* * *

Вступлением для этой части дискуссии нам послужит позиция Макса Хоркхаймера, согласно которой вся суть «диалектики Просвещения» сводится к тому, что культ Разума оборачивается его (Разума) глубоким и смертоносным кризисом. Кризис разума находит свое выражение в кризисе индивида, в качестве органа которого разум развивался. «Машина осталась без водителя и слепо мчится в пространстве. Достигнув своего логического завершения, разум стал иррациональным и перестал быть самим собой» [16, с. 148]. Трудно себе представить более живописную и бескомпромиссную картину самоуничтожения разума. И хоть Макс Хоркхаймер, а также Теодор Адорно не были первыми, кто поставил под сомнение всемогущую силу Разума, разрушительная критика разума и рациональности в XX веке была неразрывно связана с их именами.

Среди социологов младших поколений по отношению к Хоркхаймеру и Адорно видное место в дискуссиях о статусе рациональности занимает Э. Гидденс. По его мнению, существует немного современных институтов, контексты функционирования которых отмечены бюрократической устойчивостью, что ставит под сомнение веберовскую идею «железной клетки» бюрократической рутины [2, с. 277]. Современное общество решающим образом отличается от предшествующих обществ своей многомерностью и социальным динамизмом. Не случайно Гидденс использует для определения современности выражение «радикализованный модерн». По его глубокому убеждению, классики социологии (М. Вебер и К. Маркс) остались в прошлом вместе со своим интеллектуальным багажом. Динамика превращений рационального/иррационального перестала быть адекватной теоретической конструкцией.

Сильную позицию в вопросе об актуальности классического «понятийного ключа» рациональности занимает Н. Луман [7, с. 186–207]. Он отмечает, что в современном мире и современной науке критерии рациональности давно уже стали ненадежными, поскольку составление списка критериев зависит от наблюдателя, который описывает поведение в качестве рационального или нерационального. Единственный выход, который Луман видит для рациональности, – это более абстрактная ее формулировка и трактовка в терминах системной теории. В концепции абстрактной системной рациональности речь уже не идет о приближении к некоторому идеалу, большей определенности, лучшем образовании и т.д. Не утверждается и достижение единства. Теперь рациональность находит свое подлинное воплощение в различении системы и окружающей среды.

Похожим образом рассуждает Б. Латур – один из ведущих современных социологов науки и критиков социологических канонов. Латур вслед за утверждением, что Нового времени не было, сводит счеты с «рациональностью». Он полагает, что на место привычных различий локального и глобального, человеческого и нечеловеческого заступают сети практик, инструментов, документов и переводов. Отсюда его убежденность в том, что «вера в рационализацию является простой категориальной ошибкой» [5, с. 197]. Следуя за нитями разношерстных сетей, «можно целиком проследить рост организации, никогда не меняя уровня и не открывая „деконтекстуализованной“ рациональности» [5, с. 200].

Разумеется, линия критиков и скептиков в отношении научной и культурной ценности рациональности может быть продолжена. За границами нашего рассмотрения остались работы Э. Геллнера «Разум и культура», Р. Рорти «Философия и зеркало природы», М. Фуко «Воля к истине – по ту сторону знания, власти и сексуальности» и многие другие.

Отметим, что позиция большинства критиков и скептиков не сводится к отрицанию рациональности, но предполагает снятие той высокой научной, культурной и этической ответственности, возложенной на «рациональность» предыдущими поколениями мыслителей. Рациональность в их представлениях теряет магическую силу «всего и вся» установления и оценивания, преобразования и совершенствования; перестает быть нормой научного познания и общественного развития.

К дискуссии (не)очевидности рациональности как непреложной ценности современного мира приглашаются защитники и приемники традиции рациональности.

* * *

Первая «линия обороны» рациональности как научного и социального образца представлена именами известных социальных философов, чьи взгляды послужат для нас общим фундаментом дальнейших размышлений.

Среди защитников разума и рациональности как научной и культурной ценности особое место занимает Н. Мотрошилова. Ее беспокоит, что «ценностный образ разума все более подвергается пересмотру» [9, с. 346]: «...еще с Гегеля начинается та критика „саморазрушающегося“ Просвещения – не только как конкретной эпохи, но и как неотъемлемого элемента идеологии европейского рационализма, – которая в XX столетии вылилась, уже вопреки Гегелю, в решительное обличение разума и рационализма, в дискредитацию его роли как высочайшей ценности» [9, с. 346]. Мотрошилова признает необходимость рефлексивного и критического отношения к разуму, но в то же время напоминает, что «... критика разума и его ценностей должна быть предельно объективной, бережной, осторожной» [9, с. 360]. Она уверена, что «наше время особенно нуждается в критике неразумности, нелепости, проти-

вомысленности многих социальных порядков, устоев жизни, нравов больших слоев населения и целых народов, да и человечества в целом» [9, с. 344]. Однако помимо критики мы должны найти – уже в новых исторических условиях – общечеловеческие парадигмы разума, просвещения, общественного договора.

Б. Марков видит проблему в том, что человеческое поведение все дальше отходит от системы норм, сформировавшихся в коммуникации, и все сильнее интегрировано в саморегулирующиеся системы типа «человек-машина» [8]. Дифференциация людей, все возрастающая степень взаимозависимости и необходимости согласованных действий приводят к возрастанию самоконтроля и самопринуждения. Именно в этом цивилизационном процессе, а не в истории «чистого разума» следует искать причину победы рациональности, расчетливости и экономичности в нашу эпоху. Формируя критерии рациональности на основе политико-юридических и экономических потребностей, общество вынуждено фиксировать и даже производить нерациональное и неэкономичное, антиобщественное и наказуемое. Внутри самого человека задается переживание противоречия плотского и духовного, разумного и неразумного.

Схожие опасения высказывает В. Лекторский [6]. Вступление в информационную цивилизацию открывает перед человеком много новых возможностей и вместе с тем создает массу новых рискованных ситуаций. Резко возрастает непредсказуемость и нестабильность нашей жизни. Для того чтобы выжить, человек должен вести себя не как робот, а как творческое существо, способное принимать оригинальные решения в нестандартных ситуациях. Но для этого он должен уметь рационально и творчески мыслить. Он должен опираться на науку, которая не программирует его поведение, но подсказывает варианты возможных решений: принятие же этих решений – прерогатива самого человека. Зоны риска можно и нужно предвидеть. Поэтому без науки, без рационального знания современный человек просто не может выжить. Без нее он не имеет будущего. Отказ от рациональности, отказ от науки – это отказ человека от самого себя.

В роли одного из самых ярых и ярких противников иррационализма во всех видах выступает К. Поппер [10]. Рационализм, по его мнению, тесно связан с гуманистическим политическим требованием практической социальной инженерии (разумеется, постепенной и поэтапной), с требованием рационализации общества в целях проектирования свободы и контроля над ней со стороны разума. Речь идет, конечно, о контроле не со стороны «науки», не со стороны платоновского псевдорационального авторитета, а со стороны того сократического разума, который осведомлен о своей собственной ограниченности и по этой причине с уважением относится к другим людям и не стремится принуждать их к чему-либо, даже к счастью [10, с. 275–276].

Линию размышлений Н. Мотрошиловой, Б. Маркова, В. Лекторского, К. Поппера продолжают в своих работах Н. Автономова, И. Касавин, В. Порус, Б. Пружинин и другие авторитетные представители российской и зарубежной философии и социологии, немало времени и сил уделившие изучению проблем рациональности. Отдельное место среди них занимает Ю. Давыдов и П. Гайденок, перу которых принадлежит глубокое исследование научного творчества М. Вебера, ключевой фигуры в контексте наших научных интересов.

* * *

Вторую «линию обороны» научного дискурса рациональности образуют притязания мыслителей, укorenившихся не только и не столько в социальной философии, сколько в социологии. Начнем издалека, с конкурирующих позиций экономики и социологии.

Очевидно, что возникновение экономической науки было сопряжено с развитием утилитаризма как социальной концепции, претендующей не только на описание природы социальных отношений, но и на преобразование всего общественного устройства. Рациональность, понятая как максимизация индивидуальной полезности, прочно вошла в экономический дискурс. Неоклассическая экономическая теория, взращенная на утилитаристской трактовке индивидуального поведения, дала мощный толчок к экспансии в другие предметные области, а именно в социологию и политологию, а также к обновлению исследовательской программы всех социальных наук согласно единой модели объяснения. И если политология нашла поле для плодотворного сотрудничества с теорией рационального выбора, доказательством чему стали множественные исследования в области политической экономии и развитие неoinституциональной теории, то социология так и не смогла примирить наследие классиков с претензиями экономических империалистов. Краеугольным камнем в этих дискуссиях выступила рациональность, трактуемая экономистами в инструментальном ключе.

Стоит подчеркнуть, что спор возник не потому, что экономическая теория якобы оперирует понятиями рациональности, пользы, интереса, индивидуального рационального выбора, а социологии якобы принципиально чужд подобный понятийный и объяснительный теоретический каркас. И вместо рациональности социологический дискурс образован понятиями социальной структуры, нормы, института, статуса, роли и прочее. Суть спора, на наш взгляд, выражается в том, что тема и проблема рациональности всегда уже явно (М. Вебер, В. Парето) или скрыто (К. Маркс, Э. Дюркгейм) входила в круг социологических интересов и исследований. Становление и развитие «новой экономической социологии» (М. Граннветтер, Э. Добин, В. Зелизер и др.), а также тех версий рационального выбора, которые существенно преобразовали свои первоначальные методологические установки (М. Олсон,

Э. Остром, Дж. Коулмен, Й. Эльстер и др.), доказывает, что социология не столько отвергает «рациональность», сколько оспаривает ее у экономистов.

Да, социологи часто трактуют рациональность в нормативно-институциональном ключе, отбрасывая гипотезы, построенные на допущении об индивидуальном рациональном выборе. Но именно такое понимание рациональности вписывается в способ мышления и описания социальной реальности, который мы привыкли считать социологическим. Наибольшая заслуга в формировании этой «привычки», безусловно, принадлежит Т. Парсонсу с его теорией социального действия, предложенной в качестве альтернативы, прежде всего, утилитарному течению в социальных науках.

В то же время мы не можем полностью отрицать влияния утилитаризма на социологическую трактовку рациональности (теория обмена Дж. Хоманса и П. Блау), равно как и деятельность других «агентов влияния». Чего только стоит «критическая теория» франкфуртского образца, берущая начало в философских спорах о разуме и критике инструментальной рациональности! И то и другое образуют историю социологии во всей ее сложности и противоречивости, или, говоря иначе, открытости интеллектуальным влияниям экономических, психологических и других теорий, с одной стороны, и философских дискуссий о разуме – с другой. Стоит добавить, что социология не только впитывала научные интуиции, но и сама влияла на теоретическую и методологическую конституцию других социальных наук.

Такое прочтение истории социологии заставляет нас думать, что тема и проблема рациональности всегда была одной из центральных в социологии. Была. Можем ли мы утверждать, что «рациональность» по-прежнему действенна как социологический инструмент? Может ли рационализация что-то означать в контексте усилившейся мобильности индивидов и коллективов (Дж. Урри)?

Мы уже рассмотрели позицию тех социологов, которые снимают «рационализацию» с повестки дня в социологии. Но вряд ли они одни могут представлять ее (социологии) современное лицо. Далее мы обратимся к тем авторам, которые строят свои исследования на фундаменте классических теорий. Опять же мы не претендуем на то, чтобы сделать полный и исчерпывающий обзор настроений, интуиций, тенденций и интересов современного научного сообщества в отношении вопросов рациональности. Но попытаемся опереться на группы авторов, представляющих основные линии и направления анализа рациональности в контекстах современности.

Одно из центральных мест в «обороне» рациональности принадлежит Ю. Хабермасу. Ни для кого не секрет, что в своих разработках теории рациональности и рационализации Ю. Хабермас опирается на достижения М. Вебера [14]. Он вслед за Вебером считает, что рациональность является основополагающим моментом современных обществ и двигателем процесса

социальной эволюции, понятого как процесс общественной рационализации. Но Хабермаса не устраивает то, что теория общественной рационализации М. Вебера строится как теория капиталистической рационализации, не учитывающей докапиталистической эпохи развития Западной Европы, а также развитие других стран. Кроме этого рационализация, по мнению Хабермаса, отнюдь не сводится только к рационализации по типу целерационального действия [15, с. 275–276].

Особый интерес для нас представляет то, что Хабермас «не отказался от разума» по примеру своих старших коллег (М. Хоркхаймера и Т. Адорно), но сумел переработать, критически переосмыслить его (разума) основания. Результатом этой работы стала теория коммуникативной рациональности, убеждающая нас в том, что проект модерна еще далек от завершения.

Более прямолинеен в отношении веберовского наследия Джон Ритцер [11]. Его теория макдональдизации представляет из себя осмысление современных форм рационализации общественных отношений. Еще раньше в русле теории рациональности и рационализации были выполнены работы Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия», Т. Парсонса «Системы современных обществ», З. Баумана «Актуальность холокоста» и др. К этим исследованиям можно добавить целый пласт научных работ, выполненных на стыке социологии, политологии и экономики: Дж. Роулз «Теория справедливости», М. Олсон «Логика коллективных действий», Д. Норт «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики», Ю. Эльстер «Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук» и др.

Немалый интерес для нас представляет позиция одного из патриархов российской (ранее советской) социологии – А.Г. Здравомыслова. На его взгляд, рациональность – это не только способ упорядочения знаний в рамках принятой концепции, не только свойство разума, познающего действительный мир; рациональность – это одна из основополагающих ценностей современной культуры [4]. Мы ценим хорошо обоснованный способ аргументации и называем его рациональным; мы ценим способность человека добиваться поставленных перед собой целей и говорим о нем, как о человеке умном; мы высказываем удовлетворение той организацией, которая способна к развитию, благодаря преодолению внутренних конфликтов.

Социология в том ее состоянии, в котором она находится теперь, нуждается в новом уровне рациональности и этот уровень должен быть основан как на достижениях всех школ социологической мысли, до сих пор существовавших отдельно, так и на осмыслении современного опыта, весьма специфического для сегодняшнего дня. Такова позиция А. Здравомыслова.

Н. Зарубина пытается пересмотреть концепцию рациональности в контексте современности [3]. Она полагает, что рациональность и рационализа-

ция представляются как базовые характеристики общества модерна, история которого охватывает XVIII, XIX и большую часть XX века, а к важнейшим чертам относятся рациональное познание, рациональная организация хозяйства, рациональное планирование поведения и всей жизни. Специфика рациональности в современных условиях связана с социокультурными особенностями общества, которое называют «другим модерном» или постмодерном, подчеркивая не только его отличия от классического модерна, но и наличие принципиально новых качеств, нередко противоположных модернистским. В таких условиях рациональность может быть не только множественной, переходящей в иррациональность, но и включающей в себя иррациональные элементы как качественно новые формы рациональности [3, с. 44–45].

* * *

Рассматривая рациональность как непреложную ценность современной культуры и общества, мы не можем обойти вниманием особое положение российского общества в контексте исследований рациональности. Иначе говоря, так ли актуальны дискуссии о рациональности для формулирования и формирования вектора социального и политического развития России? Ответы социологов на этот вопрос образуют третью «линию обороны» дискурса рациональности.

Н. Романовский по горячим следам дискуссии между М. Арчер и И. Валлерстайном, посвященной проблемам рациональности, с горькой иронией и сожалением отмечает, что «в России в последнее время нет ощущения избытка рациональности. „Университетское сословие“ занято экзистенциально-зарплатными проблемами, ему некогда (незачем?) разьяснять обществу проблему „альтернатив исторического выбора“, перед которым мы стоим. „Верхи“? Когда еще наступит время, когда наши самопровозглашенные элиты оценят важность рациональности в практических действиях и станут с позиций „ценностей рациональности“ измерять допустимость попустительства агрессору, оккупирующему соседнюю страну, военно-полицейских преследований народа, добивающегося национального равноправия, или допустимость супружеской измены, лжи и т.п. со стороны первого лица в государстве» [12, с. 62].

В. Федотова рассматривает рациональность как необходимую предпосылку и содержание модернизации общества [13]. Современное положение России она характеризует как броуновское движение или нерациональный общественный договор. Стихийный гражданский мир очень хрупок, и война уже развязана государством, говорящим о модернизации. Главная задача свободного общества – цивилизовать борьбу за власть, сменить тип лидера с харизматического на легитимный, сделать эту борьбу более рациональной, а по мере формирования представлений о благе создать условия для формирования неполитических элит, устраняющие ситуацию тотальной устремленности общества во властные структуры.

Напомним, что в наши задачи не входило описание и разбор всего спектра мнений и оценок о месте рациональности в науке и обществе. Мы только коротко обозначили некоторые способы и стандарты размышлений над вопросами рациональности в современном мире: от самых общих, философских до частных, дисциплинарных и прикладных значений рациональности.

Было бы глупо и неверно полагать, что вопросы рациональности отвечают требованиям научной моды или отражают гносеологические установки отдельных научных парадигм. Конечно, рациональность как понятие и установка принадлежит истории. Но главное заключается в том, что вопрос рациональности – это коренной вопрос познания. Познание, в свою очередь, остается привилегированной потребностью человека, кроме того, имеет тенденцию к получению особого статуса, выделению в отдельную сферу науки как производства не только знаний, но и прежде всего самой потребности в познании и способов познания в более сложных и автономных формах. Полагаясь на основной тезис эволюционной эпистемологии о тождестве познания и деятельности человека, мы можем смело утверждать, что вопросы рациональности будут как и раньше сопровождать человека в его попытках понять себя, определить свое место в сложном исторически необратимом мире; служить модусом его жизни во всем ее многообразии.

Что касается нашей дискуссии о значимости рациональности для современной культуры, мы должны признать: тема разума и рациональности в жизни человека и общества давно уже утратила свою очевидность, вступив в полосу острых споров и громких опровержений. Это, однако, не мешает многим ученым по-прежнему следовать идеалам Просвещения с осознанием всех опасностей выбранного пути. Сам факт проблематичности, противоречивости трактовок, определений и аргументов рациональности уже служит доказательством значимости и неисчерпанности исследований в этой области. Таким образом, мы вправе заявить, что обращение к исследованию рациональности в социологии будет отвечать требованию научной рациональности (по Веберу). Социологическое изучение рациональности рационально.

Список литературы

1. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. – 3-е изд., доп. и испр. – М.; СПб., 2013. – С. 415–452.
2. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. Ольховикова, Д. Кибальчича. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.
3. Зарубина Н. Трансформация рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социологические исследования. – 2009. – № 4. – С. 38–48.
4. Здравомыслов А. Принципы рациональности в современной социологической теории // Социологические исследования. – 1990. – № 12. – С. 3–15.

5. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб., 2006. – 296 с.
6. Лекторский В. Об исторических типах рациональности // *Философия в диалоге культур*. – М., 2010. – С. 267–272.
7. Луман Н. Общество общества. – Ч. I. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
8. Марков Б. Разум и история // *Метафизические исследования*. – Вып. 3. История. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1997. – С. 9–24.
9. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М., 2010. – 480 с. [Серия: Гуманитарное знание – XXI век].
10. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., 1992. – Т. 2. – 320 с.
11. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А. Лазарева. – М.: Практикс, 2011. – 592 с.
12. Романовский Н. Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов (по поводу полемики М. Арчер и И. Валлерстайна) // *Социологические исследования*. – 1998. – № 4. – С. 56–64.
13. Федотова В. Рациональность как предпосылка и содержание модернизации // *Исторические типы рациональности / под ред. В.А. Лекторского*. – М., 1995. – Т. 1. – С. 216–237.
14. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // *Социологическое обозрение*. – 2009. – Т. 8, № 3. – С. 37–60.
15. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2003. – 416 с.
16. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / пер. с англ. А.А. Юдина; под ред. В.Ю. Кузнецова. – М., 2011. – 224 с.

Получено 16.04.2014

E.B. Koshcheev

RATIONALITY BETWEEN SCIENCE AND SOCIETY

The article examines the pros and cons of using a concept of "rationality" in the modern sociological discourse. In the spotlight is unobviousness of rationality as a value of culture and society. Recognition of high status of rationality among other values makes the study of rational cognition and action not only justified, but necessary.

Keywords: rationality, value, classical sociology, modern society, culture, discourse.

Koshcheev Eduard Borisovich – Senior Lecturer, Dept. of Social and Political Sciences, Perm National Research Polytechnic University, e-mail: manikul@list.ru.